

А.А. Абрикосовым

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 61

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А.А. Абрикосовым**
Вопросы философии и психологии: Книга 61 / А.А. Абрикосовым – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 280 с.

ISBN 978-5-458-04710-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.
январь-февраль 1902г.

ISBN 978-5-458-04710-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Письма о философіи ¹⁾.

Письмо I.

Вы непремѣнно хотите, чтобы я писалъ о философіи, о самыхъ общихъ ея вопросахъ. Знаете ли?—мнѣ это и очень лестно, и очень страшно. Для меня вѣдь, по старому, философія есть самая высокая и самая трудная наука; не малымъ дѣломъ всегда считалъ я говорить во имя этой науки и заслужить имя дѣйствительнаго философа. Если до сихъ поръ я ограничивался только частными вопросами, или даже одной *постановкой вопросовъ*, то дѣлалъ это прежде всего изъ великаго уваженія къ философіи.

Вмѣсто того, чтобы выставять и развивать какія-нибудь общія положенія, мнѣ кажется лучше начинать свое философствованіе съ какой-нибудь частной и вполне определенной черты, вродѣ того, какъ это дѣлаетъ Декартъ. Напримѣръ, я могъ бы начать такъ:

¹⁾ Эти „Письма“ доставлены редакціи однимъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Н. Н. Страхова. Ред.

Вотъ предположенная авторомъ программа „Писемъ о философіи“:

Письма о философіи.

- I. Философія и науки.
- II. Философія во всѣхъ системахъ.
- III. Университетская, популярная, настоящая.
- IV. Шопенгауэръ.
- V. Эмпиризмъ и матеріализмъ.
- VI. Чего ждутъ? Заранѣе составляются и задачи, и представленія (предваряющія понятія).

Сперва я былъ ничего несмыслящимъ ребенкомъ; потомъ во мнѣ проснулось вниманіе и любопытство, и я сталъ понимать то, что мнѣ говорили и что я читалъ; чтобы усвоить себѣ это говоримое и читаемое, нужны были многіе годы и часто большія усилія; и, наконецъ, теперь я вполне полагаюсь уже на собственный умъ и самъ сталъ рѣшать, что правда и что ложь, самъ разыскиваю истину. Вотъ что со мною было, что я долженъ всегда помнить и всячески уяснить себѣ. Если дѣйствительно такъ было, если я дѣйствительно изъ несмысленнаго сталъ понимающимъ, и изъ принимающаго чужія мысли сталъ самостоятельно мыслящимъ и познающимъ, то какъ это произошло? Я долженъ всѣми силами привести себѣ къ сознанію тотъ путь и тѣ побужденія, по которымъ совершилось это движеніе моего ума. Чѣмъ лучше я уразумѣю этотъ путь, тѣмъ правильнѣе и тверже я могу по нему идти. Впереди же я не могу поставить себѣ никакой другой задачи, какъ именно идти дальше по этому пути, продолжать это движеніе. Понимать то, чего прежде не понималъ, и открывать то, чего прежде не зналъ,—такова моя судьба до конца.

II.

Есть понятія, которыя мы уже находимъ въ себѣ, какъ только приступаемъ къ какой бы то ни было дѣятельности. Если мы принимаемся мыслить, разсуждать, наблюдать, то оказывается, что мы заранѣе признаемъ понятіе *познанія*, заранѣе предполагаемъ существованіе *истины*, достигнуть которой и стараемся. Если мы принимаемся цѣнить существующее, какія бы то ни было вещи и явленія, не въ нихъ самихъ, а въ извѣстномъ отношеніи ихъ къ намъ, какъ наше *благо* и *зло*, во всевозможныхъ значеніяхъ этихъ словъ, то мы заранѣе признаемъ понятіе *чувства*, заранѣе предполагаемъ существованіе наслажденія и страданія. Если, наконецъ, мы начинаемъ дѣйствовать, то-есть не только познавать и цѣнить существующее, но производить въ немъ перемѣны, то мы заранѣе признаемъ понятіе *произвола*, зара-

нѣе предполагаемъ, что наши дѣйствія *свободны*, зависятъ отъ нашей воли.

Вотъ предположенія, безъ которыхъ мы не можемъ ступить ни одного шагу. Мы, разумѣется, сперва не замѣчаемъ ихъ и объ нихъ не думаемъ; но по мѣрѣ развитія нашей мысли и уясненія ея приемовъ, мы неизбежно приходимъ къ этимъ предположеніямъ, видимъ, что они лежатъ въ основѣ всякаго нашего разсужденія, желанія и дѣйствія.

Если же такъ, то, значить, понятія познанія чувства и произвола не могутъ быть выводимы или строимы ни изъ какихъ другихъ понятій; они не вытекаютъ какъ-нибудь изъ опыта или умозрѣнія, а напротивъ всякій опытъ и всякое умозрѣніе возможны только на ихъ основаніи. Это—понятія, въ полномъ смыслѣ слова, *ирраціональныя*, не вкладывающіяся въ постоянные приемы нашего ума, не принадлежащія къ познаваемымъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова.

Такая особенность этихъ понятій можетъ показаться на первый взглядъ очень удивительною. Повидимому, значеніе словъ: познаніе, чувство, произволь—хорошо всѣмъ извѣстно; мы употребляемъ эти слова безпрестанно и дѣлаемъ это съ обычною увѣренностью и опредѣленностью. Почему же смыслъ ихъ долженъ имѣть не такую же природу, какъ смыслъ какихъ-нибудь другихъ словъ? На это замѣтимъ, что вообще языкъ, по самой способности обобщенія, составляющей его силу, всегда скрадываетъ отъ насъ разницу въ содержаніи, выражающемся въ словахъ и словосочиненіяхъ. Мы всего чаще принимаемъ языкъ за форму логическаго движенія мысли; между тѣмъ словами выражается не одно мышленіе, а также чувство, желаніе, всякое движеніе нашей души. И мы понимаемъ другъ друга вовсе не потому, что сообщаемъ одинъ другому логическую связь понятій, или опредѣленное ихъ значеніе, а лишь потому, что слова составляютъ для насъ *знаки* извѣстнаго содержанія, иногда почти такіе знаки, какъ мимика или измѣненіе въ чертахъ

лица. Предметы становятся для насъ знакомыми, хорошо извѣстными не посредствомъ точныхъ опредѣленій, а посредствомъ одного указанія пальцемъ. Намъ говорятъ: вотъ это дубъ, а это береза, и мы потомъ не только ясно знаемъ смыслъ этихъ названій, но узнаемъ самый маленький кусокъ листа или коры дуба или березы, не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, какъ мы это дѣлаемъ. Подобнымъ образомъ мы знакомимся и съ тѣмъ, что называется познаниемъ, чувствомъ и произволомъ. Такъ какъ предметы или явленія, обозначаемыя этими словами, составляютъ самую стихію нашей жизни, такъ какъ мы ихъ встрѣчаемъ, такъ сказать, при каждомъ нашемъ движеніи, то мы знакомы съ ними вполне, но знаемъ ихъ по непосредственному созерцанію, а не помощію какихъ бы то ни было приемовъ познания. Другіе люди только наводятъ насъ на это созерцаніе, а не сообщаютъ намъ чего-то извѣданнаго ими, но у насъ еще не имѣющагося.

Обращаясь мыслью къ познанію, чувству и произволу, мы очевидно обращаемся къ самимъ себѣ, разсматриваемъ самихъ себя въ нашемъ внутреннемъ существѣ, или въ нашей внутренней жизни. Мы живемъ—это значитъ познаемъ, чувствуемъ, стремимся, и въ этомъ смыслѣ мы себя называемъ душою. Старинное положеніе: *человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла*, имѣетъ не совсѣмъ точный видъ, предполагаетъ какъ будто, что душа и тѣло могутъ быть поставлены наравнѣ. Гораздо правильнѣе сказать: *человѣкъ есть душа, облеченная тѣломъ*.

Очевидно, что бы мы ни думали и ни дѣлали, мы необходимо будемъ начинать съ себя, то-есть съ нашей души, какъ съ исходной точки нашей мысли, да и всякаго другого нашего дѣйствія. Тотъ, кто началъ бы съ того, что сталъ сомнѣваться въ душѣ, тѣмъ самымъ отнялъ бы у себя всякую возможность двинуться хотя бы на единый шагъ, не могъ бы начать мыслить и говорить. Такое сомнѣніе въ сущности невозможно, и скептики въ этомъ случаѣ не то разумѣютъ, что они говорятъ.

III.

Нужно остановиться на особенномъ отношеніи нашего ума къ мышленію о душѣ.

Для человѣка, находящагося въ полномъ своемъ развитіи, нѣтъ ничего яснѣе, достовѣрнѣе, извѣстнѣе, какъ его жизнь, его душа. Онъ чувствуетъ свою душу, какъ скоро чувствуетъ, что ищетъ познаній, страдаетъ и радуется, стремится дѣйствовать и сопротивляться. Но если это ясное и неизбѣжное созерцаніе мы захотимъ облечь въ опредѣленные понятія, въ обыкновенныя формы понятія, то мы придемъ въ величайшее затрудненіе. Намъ здѣсь открывается дѣйствительность, для мышленія о которой требуются совершенно другіе приемы ума, чѣмъ для мышленія о другихъ предметахъ познанія. Вотъ почему Фихте, а потомъ Шеллингъ признавали въ умѣ особенную дѣятельность для постиженія души и мышленія о ней; они называли эту дѣятельность *умственнымъ созерцаніемъ* (*intellectuelle Anschauung*). Это непосредственное внутреннее созерцаніе даетъ намъ не какіе-нибудь простые факты, а внушаетъ понятія и положенія, совершенно несоразмѣрныя съ обыкновенными приемами мышленія. Таковы именно понятія *истины, блага и свободы*. Мы ихъ постигаемъ съ совершенною ясностью посредствомъ умственного созерцанія, становясь лицомъ къ лицу съ нашей душою; но они, можно сказать, сейчасъ же исчезаютъ отъ насъ, когда мы пробуемъ построить ихъ по способу другихъ понятій.

Если человѣкъ *мыслить*, то это не значитъ только того, что въ немъ совершается нѣкоторый процессъ по нѣкоторымъ причинамъ и съ нѣкоторыми результатами; смыслъ мышленія и всякаго понятія тотъ, что человѣкъ ищетъ и достигаетъ *истины*.

Если человѣкъ *чувствуетъ*, то это не значитъ только того, что онъ переживаетъ тѣ и другія различныя состоянія, а значитъ, что для него существуетъ дѣйствительное *благо* и что есть возможность достигнуть этого блага.

Если человекъ *опыствуетъ*, то это не значитъ только, что его влекутъ тѣ и другія различныя стремленія; главный смыслъ человѣческой воли въ томъ, что она ищетъ и достигаетъ *свободы*.

Такимъ образомъ, душа или жизнь человѣческая есть нѣчто ищущее и достигающее истины, блага и свободы.

Вотъ опредѣленіе, съ котораго можетъ начинать свое изложеніе психологія и къ которому она непремѣнно должна приходить, съ какой бы другой точки она ни начинала своего изслѣдованія. Въ сравненіи съ обыкновенными приемами нашего познанія, можетъ показаться, что мы, такимъ образомъ, *предприняемъ* извѣстные вопросы, заранее признаемъ вѣрнымъ то, что будто бы еще подлежитъ изслѣдованію; но въ сущности, мы, держась этого опредѣленія, начинаемъ съ настоящей исходной точки, съ дѣйствительнаго начала, безъ котораго невозможно идти впередъ. Психологія должна показывать намъ, что всѣ ея изысканія имѣютъ эту твердую основу и къ ней сводятся.

Понятіе и значеніе натурфилософіи.

Философія не есть вѣрованіе, чаяніе или мнѣніе, а понятіе и наука о Божественномъ, и притомъ совершенно ясное и соразмѣрное познаніе, такъ какъ о Божественномъ или невозможно никакое познаніе, или возможно только такое.

Для Бога, или абсолютнаго, бытіе существенно, или лучше, самъ Богъ есть *бытіе* и нѣтъ иного бытія, кромѣ именно Бога. Мы не можемъ сказать—кромѣ бытія *Божія*, ибо бытіе Божіе было бы самъ Богъ, такъ какъ онъ именно есть ничто иное, какъ *бытіе*.

Слѣдовательно и наоборотъ, все бытіе, только потому, что оно бытіе, само въ себѣ божественно, абсолютно; ни изъ чего другого не объяснимо и не произошло, но есть вѣчная истина и насквозь положительно. Нѣчто такое, что не было бы божественнымъ (если бы только что-нибудь та-

кое вообще могло быть), было бы именно поэтому вовсе не *бытіемъ*; и потому было бы совершенно невозможно сказать, что оно *есть*.

Итакъ, Богъ есть единое дѣйствительное, такъ какъ онъ существенно есть *бытіе*; иначе говоря—онъ одинъ и всецѣло наполняетъ сферу дѣйствительности. Мыслить нѣчто дѣйствительное внѣ Бога такъ же невозможно, какъ мыслить нѣкоторую дѣйствительность внѣ дѣйствительности.

Поэтому, если философія есть наука о Божественномъ, то она не есть наука о немъ, какъ о нѣкоторомъ существѣ, которое существуетъ лишь въ мысли или только ею можетъ быть достигнуто, но она есть наука о Богѣ, какъ о единомъ дѣйствительномъ, а потому самому единомъ доступномъ созерцанію (*Anschauung*) и во всемъ созерцательномъ единомъ созерцаемомъ (ибо созерцаніе, которое не было бы созерцаніемъ дѣйствительнаго, не было бы и созерцаніемъ).

Мы хотимъ пояснить это съ другой стороны для того, кто допускаетъ, что Богъ (или вѣчное) можетъ быть достигнуть посредствомъ мысли ¹⁾. Если только онъ дѣйствительно мыслить Бога, то онъ мыслить его какъ единственно-реальное, которое существенно само есть *бытіе*. Поэтому Богъ не можетъ быть въ мірѣ мысли, не будучи именно поэтому тѣмъ, что есть единственно-положительное въ дѣйствительномъ мірѣ или въ мірѣ природы; и въ отношеніи къ нему вообще нѣтъ никакой противоположности между идеальнымъ и реальнымъ міромъ, между „по ту сторону“ и „по сю сторону“. Кто это отвергаетъ, тотъ можетъ, пожалуй, грезить о природѣ, которая не есть, или о дѣйствительности, которая не есть дѣйствительность. Но почему же онъ примется грезить, если онъ долженъ бодрствовать? Онъ допускаетъ, что Богъ есть реальность, сама чистая дѣйствительность: пусть же онъ ищетъ того міра или той сферы, въ которой Богъ есть дѣйствительность! Конечно, ни теперь, ни по-

¹⁾ Т.-е. для Фихте. См. *Anweisung zum seligen Leben*, § 19.

слѣ, не окажется передъ нимъ никакого другого міра, въ которомъ Богъ еще совершенно особенно былъ бы дѣйствительностью, кромѣ именно настоящаго и такъ называемаго, дѣйствительнаго міра, и если Богъ въ этомъ мірѣ не есть дѣйствительность, то онъ вообще не будетъ дѣйствительностью, т.-е. не будетъ Богомъ.

Итакъ, если философія есть наука о божественномъ, какъ объ единственно-положительномъ, то она есть наука о божественномъ какъ объ единственно - дѣйствительномъ въ дѣйствительномъ мірѣ или въ мірѣ природы, т.-е. она есть существенно натурфилософія.

Если бы она не была натурфилософіею, то она бы утверждала, что Богъ есть только въ мірѣ мысли, слѣдовательно не есть то, что положительно въ дѣйствительномъ мірѣ, или мірѣ природы, т.-е. она отвергала бы самую идею Бога.

Бытіе есть истина и истина есть бытіе. То, что философъ мыслить и о чемъ онъ говорить, должно *быть*, потому что оно должно быть *истинно*. Что не *есть*, то не истинно. Итакъ, философъ, говорящій о природѣ, какъ о чемъ-то такомъ, что не *есть*, говорить не объ истинномъ, и даже говорить не истинно, потому что онъ не истинному, говоря о немъ такъ, какъ будто оно существуетъ, придаетъ истинность, которой оно не имѣетъ. Истинная философія должна говорить о томъ, что существуетъ, т.-е. о дѣйствительной, *существующей* природѣ. Богъ есть существеннымъ образомъ бытіе—это значить: Богъ есть существеннымъ образомъ природа, и наоборотъ. Поэтому всякая истинная философія, т.-е. всякая, которая есть познаніе единственно истиннаго и положительнаго, есть *ipso facto* натурфилософія; и пока такое познаніе не стало всеобщимъ, она будетъ носить это имя, чтобы отличать себя отъ ложной философіи, пребывающей въ не-дѣйствительномъ, т.-е. въ не-истинномъ.

Теперь мы можемъ съ большею свободою употреблять эту идею натурфилософіи во всей ея строгости. По наше-

му взгляду, раздѣленіе между особымъ міромъ мысли и особымъ міромъ дѣйствительности есть доказательство, что и въ мірѣ мысли мы еще не положили *Бога*. Если бы (*per impossibile*) для меня не существовало вовсе природы, или я могъ бы положить, что она уничтожена, и я сталъ бы мыслить Бога истинно и съ полною ясностію, то въ то же мгновеніе для меня бы наполнился дѣйствительный міръ (вотъ смыслъ часто превратно понимаемаго тождества идеальнаго и реальнаго). Вы вотъ говорите между прочимъ о нѣкоторой данной природѣ и, къ несчастію, тѣ, кто всего ревностнѣе возставаѣтъ противъ неумѣющихъ отрѣшиться отъ даннаго, сами обнаруживаютъ величайшую къ тому неспособность: но какъ же вы доходите до этой природы и по какому праву вы ее здѣсь вмѣшиваєте? Вы вѣдь должны бы философствовать, т.-е. должны бы разсматривать идею Бога, или, пожалуй, хотъ только *мыслить* ее (если таково ваше мнѣніе), и должны бы мыслить ее чисто и наполнить ею себя совершенно; но какъ только вы это сдѣлаєте, то Богъ станетъ для васъ непосредственно реальнымъ какъ единственно-дѣйствительное, и вы не будете уже больше искать глазами еще другой природы, такъ какъ съ Богомъ и посредствомъ Бога вы уже имѣете полную дѣйствительность. Чтобы имѣть право говорить о вашей данной природѣ, вы должны бы сперва доказать намъ ея дѣйствительность; но этого вы не можете сдѣлать и потому рѣшайтесь же прежде всего разсматривать *сущее*, которое мы называемъ Богомъ, а не устремлять вашего взора тотчасъ же опять на не-сущее, подобно глазамъ, которые не выносятъ солнечнаго свѣта и обращаются къ тѣни.

Итакъ, въ идеѣ натурфилософіи мы идемъ не только дальше простаго мышленія къ познанію, но дѣлаемъ еще шагъ и дальше познанія вообще, до созерцанія въ дѣйствительности и до совершеннаго совпаденія міра, нами познаннаго, съ міромъ природы. Только именно въ той точкѣ, гдѣ идеальное для насъ самихъ стало также и совершенно реальнымъ, міръ мысли сталъ міромъ природы, только въ этой

точкѣ находится послѣднее, высшее удовлетвореніе и примиреніе познанія, подобно тому, какъ исполненіе нравственныхъ требованій достигается лишь тогда, когда они являются намъ уже не какъ мысли, наприм., какъ предписанія, а стали природою нашей души и стали въ ней дѣйствительными.

Въ этомъ одномъ заключается и отличіе натурфилософіи отъ всякаго прежняго философствованія. Въ силу того, что она вообще есть наука о божественномъ, она стремится отличить себя отъ всего, что порождено въ философіи послѣднимъ временемъ, а также прошлымъ послѣ Лейбница, но никакъ не отъ того, что порождено болѣе древнимъ и древнѣйшимъ временемъ. Спиноза признавалъ свое Богомъ наполненное ученіе за ученіе о природѣ; но то обстоятельство, что онъ не довелъ его изложенія до указанной точки тожества съ дѣйствительностію, и что, насколько онъ пытался это сдѣлать, доведеніе не удавалось, было причиною, что и на его ученіе впослѣдствіи смотрѣли только какъ на идеалистическій очеркъ, какъ на нѣкоторую форму мысли для мысли. Пусть идея натурфилософіи будетъ та самая, которую нѣкогда Бэконъ постигъ со стороны физики, но не позналъ со стороны философіи, почему и сталъ лишь родоначальникомъ вѣка эмпиризма; или пусть эта идея еще не была постигнута ни однимъ изъ прежнихъ мыслителей: она во всякомъ случаѣ есть необходимая идея, не только встрѣчающаяся и лежащая на пути къ завершенію, но ведущая къ самому тому завершенію, которое рано или поздно должно быть осуществлено. Она впервые полагаетъ рѣшительный предѣлъ, опредѣленную границу произволу мышленія, блужданіямъ отвлеченія, ибо она есть прямая противоположность всякому отвлеченію и всякимъ системамъ, которыя изъ отвлеченія происходятъ. Все, что въ наукѣ, или въ религіи, или въ какомъ-нибудь другомъ кругѣ чело-вѣческой дѣятельности когда-нибудь достигло устойчивости и стало причастнымъ истинной объективности, все пріобрѣло ее именно посредствомъ этого послѣдняго шага,